

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

**ЯБЛОКО
РАЗДОРА**

УРАЛЬСКИЕ ХРОНИКИ

Москва
Книга по Требованию
2012

ББК 84 Р7

Б 16

Баженов Г. В.

Б16 **Яблоко раздора. Уральские хроники.** — М:
Книга по Требованию, 2012. — 534 с.

ISBN 5-7838-0143-7

Любовь — основа жизни, залог бессмертия человека. Именно этой теме, теме Любви, посвящены произведения известного русского писателя Георгия Баженова. Любить — и быть понятым, любить — и оставаться верным, любить и продолжать себя в детях, — вот то, что составляет основу книги Георгия Баженова «Яблоко раздора».

Эта книга — о сильных русских женщинах. Действие книги происходит на Урале, на родине писателя.

ISBN 5-7838-0143-7

© Г. Баженов, 1997.

© Оформление. Издательство
"Книга по Требованию".

I

ЯБЛОКО РАЗДОРА

Памяти Любви БАЖЕНОВОЙ

Глава первая

Иван подымался в дом по высокому крыльцу осторожно и тихо. Он старался, чтобы снег не скрипел под сапогом, но снег скрипел. Назло скрипел, думал Иван.

Не успел он переступить порог, как Маша, жена, метнулась в большую комнату.

— Маша! — позвал Иван.

Маша не ответила.

— Маша! — уже крикнул он. — Жена!

Она вышла из комнаты, скрестив на груди руки, и с гордой независимостью посмотрела на мужа.

— Ты чего прячешься? — спросил он.

— С чего это ты взял?

— Да вот, как зашел — ты и метнулась, а потом зову, зову — не отвечаешь... — Он пристально и серьезно разглядывал жену и старался угадать, случилось все-таки что или нет. Он и домой пришел, потому что дважды за день схватывало внутри от беспокойства.

И все же решил не торопиться с расспросами, разделся, прошел на кухню, помыл руки, сел за стол:

— Накормишь?

— Сам накормишься!

— Накормлюсь, не без того... — Он обиженно запыхтел, догадываясь, что и смелость эта неспроста, есть для того причина.

Маша стояла, опершись на косяк, все так же скрестив на груди руки, и, презрительно оттопырив нижнюю губу, смотрела на мужа:

— Что, она-то плохо тебя кормит?

— Кто — она?

— Да она! — твердо сказала Маша. — Ведь ходит к тебе в лесничество какая-то?

— А... — неопределенно протянул Иван, а про себя подумал: «Тебе можно было, а мне нельзя?..»

Налив щей, он начал хлебать.

— Телеграммы тут принесли, — словно невзначай сказала Маша.

— Телеграммы-ы?.. — Он поднял на жену как будто радостные и озорно-шалые, а на самом деле испуганные, в глубине, глаза, криво улыбнулся.

— Сын приезжает, демобилизовался! — Она сказала это с твердой и открытой радостью.

«Вот оно что-о! Вот что-о!..» — Искреннее и легкое счастье скользнуло на лицо Ивана.

— А эта, — показала жена, — видать, от сестры твоей! Срочная! — И бросила мужу телеграмму. — Не бойся, не распечатывала. Мне ведь нельзя, — сказала она с издевкой, — вмешиваться в ваши родственные дела!

Отложив ложку, Иван нагнулся, поднял с пола телеграмму, распечатал.

28 УМЕР ГРИГОРИЙ ПОХОРОНЫ 1 ДЕКАБРЯ ОЛЬГА

Он прочитал раз. Прочитал два.

«Значит, умер... умер... Ты скажи...»

— Дай телеграмму от сына, — попросил он Машу.

— Это еще зачем?

— Дай. — Он не знал, зачем.

Маша принесла из комнаты телеграмму.

СТАРИКИ ДЕМБЕЛЬ БУДУ СКОРО ЕВГЕНИЙ

Иван читал, но думал свое: «Умер Григорий-то... ты скажи... Умер все же... Верно, что старики... уж тут полный дембель, полный...»

Он сидел, смотрел в окно и мял губами. Со стороны казалось, что он думает сейчас крепкую думу, но ничего такого он не думал, просто сидел и повторял про себя: «Умер... скажи на милость... вот уж дембель так дембель. Полный дембель...»

— Григорий умер, — сказал он Маше.

Вечером он сходил за водкой, сел дома за стол, налил две стопки:

— Выпей, Мария.

Жена подошла и покорно выпила.

— А теперь уйди.

И она ушла, и было так, словно нет ее в доме, незачем быть. О многом мог думать теперь Иван Никитушкин, многое мог вспомнить, да не о том думал. Умер брат Григорий, нет его больше. Простить его или не простить?.. Нет, даже и не в этом дело — кому надо прощать мертвых, кому это надо! Дело проще: ехать хоронить брата или не ехать?..

Глава вторая

Дорога, по которой шагал Григорий Никитушкин, не простая дорога. Вьется да петляет она к родному поселку, в котором не был сержант Никитушкин с самого начала войны, с самого начала ее, проклятой... Прихрамывая на правую ногу, Григорий почти бежал. Августовское солнце палило жаром, пот катился по лицу, по спине, но это ничего. Скорей бы домой, домой...

Он вбежал в дом, сильно хлопнув дверью, и кто-то ойкнул испуганно.

— Мир дому сему! — весело сказал Григорий и прислушался. — Есть кто дома?

Стояла тишина. Григорий улыбнулся; знал он: если такая тишина, обязательно в доме человек (от разведки еще осталось).

— Стрелять буду! — пошутил Григорий. — Ну!

— А я и дома, — вышла из кухни полная девочка. — Вам кого?

— А ты кто такая?

— Машенька я.

— Чего тут делаешь?

— Нет, сначала — вы кто такой?

Григорий не сдержался — такого смеху и веселья закатил, что соседка, через огороды, перекрестилась: «У Никитушкиных-то чего такое? Свят, свят!..»

— Я — Никитушкин! — объявил Григорий.

— Григорий Иванович, стало быть? — облегченно вздохнула девочка.

— Стало быть, Григорий Иванович.

— Напугали вы меня, — как-то просто созналась девочка. — Зачем так пугаете?..

— Да ты скажешь, наконец, кто такая? — Но уже не грозно спрашивал Григорий Иванович.

— Машенька я. — И очень важно добавила: — Жена я Ивана Ивановича.

— Это какого еще Ивана Ивановича?

— А как будто не знаете? Братца вашего, Ивана Ивановича Никитушкина.

— Ваньки? Жена? Постой, постой... как жена? Ваньки? Сопляка этого? Да вы что, с ума спятили?! — И вновь закатился, но теперь уже обидным смехом Григорий Никитушкин. Он был тощий, длинный, и, когда смеялся, смешно было над ним самим: как жердь, вот-вот сломается, стоит, кланяется, руками размахивает.

Машенька тихонько прыснула.

А перед глазами Григория встал — сколько ему тогда было, двенадцать, тринадцать? — Ванька: всклоченный, сопливый... И этот вот сопляк, этот его младший брат — Иван Иванович теперь? Муж? Жену — девчонку! — заимел? «Ну, братцы, — думал Григорий, — вы что хотите думайте, а я... А я — ни хрена-то я не понимаю, вот что, братцы!»

И так вдруг резко оборвал свой смех Григорий, так круто смолк, что снова напугал Машеньку.

— Какой вы... — сказала она. — Все пугаете...

— Да что ты заладила: пугаете да пугаете... — Он нагнулся, поправил голенища сапог, а выпрямившись, спросил: — Хозяйева скоро будет? — И с тем прошел в дом.

— Хозяйева? А-а... вы, верно, про свекра Ивана Федоровича говорите? Так они совсем не придут, Ваня только будет... Мы с Ваней вдвоем тут живем. Да вы проходите, проходите, поди, не в чужой дом-то пришли! А Иван Федорович навсегда в лес ушел, там и поживают. Тут, говорят, скучно, да и... — Она запнулась.

— Да и?

— Да и мы... я, то есть... не очень ему по душе. Это правда. Только Ваню-то он сильно, кажется, любит... Тогда, говорит, живите с ней, мне не жалко, теперь, говорит, ничего не жалко — все под гору. Вот и живем... А Ваня скоро уже будет. Скоро!.. Хотите чайку?

— Хочу.

— Так я сейчас, сейчас... Я мигом.

И только было он пить начал горячий, на смородиновом листе настоящий чай, только было посидеть вздумал, побаловаться, как говорится, чайком, подумать размеренно — ан открывается дверь, а в дверях — да неужели брат, неужели Вань-

ка, Иван?.. А ведь он, он, шельмец, только все в нем — как будто чужое: рост, плечи, голова...

Бросились братья друг к другу! Родное, кровь своя, никитушкинская, отчаянная кровь билась в жилах и вот — стакнулась. Эх, брат, брат! — шептали они и хлопали друг друга нежно и сильно по плечам. Улыбались, смеялись... А ведь они, когда прощались, совсем были не те: оба мальчишками прощались, оба, хотя Григорий уходил на войну...

— Ну а отец тут как? — Григорий отстранил брата и глянул ему в глаза: — Ишь ты какой ста-а-ал!..

— Да отец чего, — улыбался Иван, — отец ничего... Прийти вот обещался. День рожденья ему сегодня. Придет!..

— Ну?! Неужто день рожденья? Неужто сегодня?

— Сегодня, — сказал Иван и снова улыбнулся. — Сегодня и есть.

— Тогда хорошо я прибыл! Ох как хорошо! В самую, как говорят, точку!..

Сидел Иван Федорович Никитушкин против двух сыновей и снохи, смотрел на них спокойным глазом. Детей давно уже хмель взял, а Ивана Федоровича медовуха не брала. Что думать ему про сыновей? Что сказать себе? Любит он их?.. Иван-то бы еще ничего, ничего еще, но женился, дурак! На ноги не встал, крыльями хорошенько не взмахнул, бабу ни одну не попробовал — а туда же: полез в хомут, сам, осьмнадцати лет. Дурак!.. О Григории вовсе нет разговора — это отрезанный ломоть, увидишь! Урал-сторона ему уж не в родину, дом родной не в дом, куды-ы!.. Уехать надумал куда-то, и-ишь!.. Да-а... Ну а Ольга с женой — те бабы. Как уехали в сорок четвертом, так и живут с балбесом зятем, у черта на куличках. Да они — хоть пропади пропадом, черт с ними! С бабой царства не построишь, сети не сплетишь; лишние бабы люди! Нашто живут на свете? Рожать? То-то, что только... А уж о снохе говорить, так вовсе одно слово: соплюха!..

Вот что думал Никитушкин-старший, пока сыновья пьянели; думал он об этом спокойно, без напряжения, так что не поймешь — то ли просто сидит, слушает, то ли думку какую задумал...

— Ну, я, значит, и притаился, жду... — Прислушался отец к рассказу Григория. — Да что ты, думаю, оглохли они, что ли? И ведь самое странное — вижу, как сидят они, трое, в блиндаже, смиреннько, спокойненько: один книжку читает, другой

портки штопает, а третий — Маша, ты не слушай! — баб голых в журнальчике рассматривает. Не задание, пальнуть бы пару раз! Но нельзя: «язык» — он тогда «язык», когда живой... А погода стоит — прямо не верится. Одно солнце! Сначала это еще ничего, с утра, не жарко, а потом как начало припекать, пот градом... А ты не шевелись! А какой там не шевелись, если я стрелял даже, а они как глухие...

Григорий обвел всех взглядом. Старик Никитушкин и Иван слушали с интересом, но как бы и с недоверием: Григорий в разведке служил, это точно, но уж больно странный случай... А Маша верила всему. Подперев лицо кулачками, она глядела на Григория не отрываясь и слушала с восхищением. Григорий не походил на героя, длинный, тощий, смешной, но был, видно, настоящий герой. Не то что мы, думала Маша, жили здесь, ничего не видели...

— На войне, чуть не на передовой, в блиндаже, — продолжал Григорий, — сидят фрицы, ничего не слышат и не боятся? Не может быть!.. Думаю я так, а сам снова подымаюсь — и в дверь. Стою в проходе, автомат наготове, и ору: «Хенде хох!» Даже не шевельнулись. «Хенде хох!» — ору изо всех сил. А фриц, который голых баб рассматривал, как заулыбается... Повертывается, чтобы, видно, дружку своему показать...

Маша неожиданно вскрикнула.

— Тихо, Маша, — сказал Иван.

—...и видит: в дверях, с автоматом, стоит русский солдат. Он аж онемел! Бац, дружка своего по руке, тот спокойно оборачивается, увидал меня — и тоже окаменел. И третий так же. Стоят, рты разинули, руки подняли, глазами хлопают... — Григорий усмехнулся. — Привожу, значит, на позиции, сдаю фрицев начальству. День проходит, два, я жду: вот-вот, мол, вызовут к командиру батальона, к награде представят... А по батальону уже слухи ползут: Гришка, мол, Никитушкин, спятил... поймал где-то глухонемых фашистов и приволок...

Григорий не выдержал и рассмеялся. Он смеялся так заразительно и искренне, что напряжение от рассказа спало; засмеялся и Иван. А Никитушкин-старший подумал: правда, дурак он, Григорий... Одна Маша не знала, то ли смеяться, то ли слушать дальше, то ли спросить чего-нибудь... С напряженным, вытянутым вперед лицом глядела она на Григория Ивановича.

— А ведь верно, — закончил Григорий, — оказались они глухонемыми. Ха-ха-ха!

Долго еще сидели, вечеровали... Нет-нет, среди разговоров, да и вспомнится Григорьев рассказ: снова смех, легко...